

А.А.Михейкина

КОНЦЕПТ ПАМЯТИ В РОМАНЕ КАДЗУО ИСИГУРО «ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН»

В настоящей статье рассматриваются особенности репрезентации феномена памяти в романе К.Исигуро «Погребенный великан». Специальное внимание уделяется образам, мотивам, сюжетным элементам, способствующим актуализации культурного и литературного аспектов памяти в тексте. В связи с ними анализируются интертекстуальные и интермедийные включения, выявляются значения, приобретаемые ими в контексте романа. Интертекстуальные и интермедийные элементы также исследуются как средство репрезентации памяти литературы. Кроме того, рассматриваются особенности выражения экзистенциального и исторического аспектов изучаемого феномена в романе. Основываясь на широкой репрезентативности памяти в романе, а также постоянном обращении к ней в творчестве Исигуро, данный феномен идентифицируется в качестве авторского концепта. В результате проведенного анализа выявляется связь концепта памяти и идейно-тематического уровня произведения.

Ключевые слова: концепт памяти, интертекстуальность, интермедийность, аллюзия, память литературы

Тема памяти неоднократно находила отражение в прозе английского писателя Кадзуо Исигуро, часто становясь фактором, определяющим особенности произведений автора («Остаток дня», «Художник ускользающего мира», «Безутешные», «Никогда не отпускай меня»). Однако наибольшее внимание писатель уделяет экзистенциальному аспекту данного феномена, создавая психологизированный художественный мир, репрезентирующий особенности индивидуальной памяти, амнезии и болезненного опыта прошлого его героев.

В интервью 2015 года онлайн-журналу “Huffpost” Исигуро отмечает, что в «Погребенном великане» планировалось продолжение линии изображения сознания одного «персонажа, перелистывающего воспоминания», однако впоследствии автор решил обратиться к теме памяти в широком плане, «на уровне нации» и поднять вопрос: «Когда следует забывать, а когда помнить?» [1].

По нашему мнению, постоянное обращение к памяти в прозе Исигуро позволяет идентифицировать ее как авторский художественный концепт. «Концепт рождается как образ...» — замечают З.Д.Попова и И.А.Стернин, подчеркивая динамичность и процессуальность насыщения концепта аналитической составляющей: «...Появившись в сознании человека, этот образ способен продвинуться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстракции концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный» [2].

Анализируя сущностные особенности художественных концептов, С.А.Аскольдов отмечает, что связь элементов художественного концепта обосновывается «художественной ассоциативностью», которая является «чуждой логике» [3]. Из этого утверждения следует, что семантический потенциал художественных концептов довольно широк и позволяет выражать и рассматривать сложные и абстрактные феномены бытия.

Наше понимание данного типа концепта наиболее полно соотносится с его дефиницией, приведенной в статье А.А.Кротовой: «Единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении <...> и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [4].

В романе «Погребенный великан» память как авторский художественный концепт находит выражение на всех уровнях произведения и рассматривается в многочисленных проекциях, взаимосвязанных между собой, создавая систему разновидностей. Несмотря на то, что в тексте актуализируются различные аспекты памяти, исследования С.Боровской-Шершен, Т.Л.Селитриной в большей степени освещают историческую память в романе. С.Боровская-Шершен пишет, что основная идея автора «касается спрятанных, а затем раскрытых «великанов» [прошлого] всех сообществ и стран» [5]. Мысль исследовательницы коррелируется с тезисом Т.Л.Селитриной о том, что «Погребенный великан» представляет собой «художественное осознание истории» [6].

Кроме того, ученые отмечают, что в «Погребенном великане» объективация аспекта исторической памяти связана с сюжетной линией войны бриттов с кельтами и с относящимся к ней конфликтом, пронизывающим произведение и подводящим к риторическому вопросу, сформулированному автором в интервью. Наставление саксонского воина Вистана для юного Эдвина прямо говорит о том, что хрупкий мир, поддерживаемый амнезией, будет разрушен, а саксонские племена не забудут жестокости бриттов: «Мы обязаны ненавидеть каждого мужчину, женщину и ребенка их крови. Так обещайте мне это. Если так случится, что я паду, прежде чем передать вам свои навыки, пообещайте мне, что вы будете всегда поддерживать эту ненависть в своем сердце» [7].

Однако, по нашему мнению, не только историческая память, но и широкий спектр других разновидностей памяти в романе заслуживают внимания, поскольку они влияют на художественно-образные характеристики текста, его коллизию и сюжетную организацию.

Большой интерес для исследования в этой связи представляют особенности памяти культуры и памяти литературы, нашедшие отражение в произведении, однако не освещенные в литературоведческой науке до

настоящего момента. Стоит отметить, что А.Эрль и А.Нюннинг описывают память литературы как «интертекстуальную мнемонику», определяющуюся как «память о предыдущих текстах, существующую в литературе» [8]. Таким образом, можно говорить о том, что ключевую роль в актуализации памяти литературы играет интертекстуальность.

Тезис А.Эрль и А.Нюннинга коррелирует с предложенной Р.Бартом идеей, обобщенно отражающей сущность феномена интертекстуальности: «каждый текст представляет собой интертекст; прочие тексты включаются в него <...> в более или менее узнаваемых формах» [9]. Отметим, что манера изображения заимствованных и традиционных образов в отдельном произведении может быть контрастной по отношению к их прототипам. Включение таких единиц в контекст романа, их взаимодействие друг с другом и с авторскими элементами содействует синтезу новых смыслов и расширению их семиотических значений.

Литературная память репрезентуется в «Погребенном великане» в художественно-образном аспекте благодаря введению ряда метафор, конструированию новых образов, на основе заимствований из литературных и мифологических источников, а также аллюзий и реминисценций на них. В качестве примера здесь можно привести включение в персонажную систему текста рыцаря сэра Гавейна, Беатрис, мифологемы дракона, ога и эльфа.

Память литературы в романе находит выражение в образе Беатрис. Прежде всего следует отметить, что героиня, как и сэр Гавейн, способствует актуализации интертекстуального кода в произведении. В частности, ономастически (заимствование имени) и функционально персонаж связан с Беатриче из «Божественной комедии» Данте: (Беатрис подобно Беатриче является проводником Эксла и инициатором путешествия супругов. Необходимо отметить, что параллель между Беатриче и Беатрис была отмечена в эссе Б. Мейлер [10], но исследовательница лишь констатировала наличие данной связи без анализа ее значимости в контексте памяти литературы.

По аналогии с представлением рыцаря в романе, образ героини и его репрезентация мало соотносится с прототипом из текста Данте. Несмотря на возникающее аллюзивное мерцание образа Беатриче, изображение Беатрис отчасти представляет собой антитезу героине «Божественной комедии». Безупречность, божественная природа женщины, которая подчеркивается в произведении Данте: «Единственная ты, кем смертный род Возвышенной, чем всякое творенье, вмещаемое в малый небосвод...», а также преданность и бескорыстная любовь к ней: «Тебе служить — такое утешенье, что я, свершив, заслуги не приму; мне нужно лишь узнать твое веленье» [11] элиминируются в романе Исигуро, уступая место неидеализированным образам и характерам.

В отношениях Эксла и Беатрис были предательства, например, в отдельных эпизодах романа присутствуют реминисценции, в которых супруги смутно вспоминают об изменах. Так, в видении Беатрис, которое «ей приснилось или вспомнилось», возник образ ночи, когда ушел ее супруг: «Ты оставил меня той ночью, Эксл. И наш милый сын тоже. Он ушел за день или за два до этого, сказав, что не хочет быть дома, когда ты вернешься» [7, р. 139]. Контрастность образа Беатрис по отношению к Беатриче способствует усилению внимания к психологическим и экзистенциальным проблемам, возникающим в межличностных отношениях. Таким образом, наряду с исторической памятью на тематическом уровне романа обнаруживается и экзистенциальная память, с которой также связана внутренняя коллизия произведения, подводящая читателя к философскому вопросу, когда стоит помнить, а когда забывать о прошлом.

При этом с концептом памяти в романе поднимается проблема ценностей бытия, что подчеркивает аксиологичность, присущую рассматриваемому феномену. На вопрос лодочника о воспоминаниях, которые причиняют боль, Эксл отвечает словами об уходе и потере сына, но особое значение, с точки зрения репрезентации феномена памяти в романе, приобретают его слова о ссоре с Беатрис и ее «недолгой неверности». Эксл отмечает, что именно сложные отношения между ними повлекли за собой решение сына уйти из дома, поскольку он был «уже не настолько мал, чтобы быть обманутым мягкими словами, но еще слишком юн, чтобы понять сложные пути их сердец» [7, р. 194]. На первый план здесь выводится ценностный аспект экзистенциальной памяти, стремление выявить значение, которое имеют ошибки, допущенные в отношениях между людьми, связанных семейными узами. Экзистенциальная и историческая память, включающая острые и болезненные эпизоды прошлого ставят дилемму о сохранности памяти и или забвении. В свою очередь, дракониха Квериг, дыхание которой вызывает амнезию, обладает амбивалентным значением в романе, не только реализуя фэнтезийно-мифологическую поэтику, но и представляя собой аллегорическое и метафоризированное воплощение дилеммы сохранения прошлого в памяти.

Таким образом, происходит актуализация нескольких аспектов, составляющих концепт памяти: память литературы, связанная с аллюзией на образ Беатриче, а также памяти как основной темы и коллизии романа.

Актуализация элементов культурной памяти в романе, на наш взгляд, напрямую происходит посредством интермедиальности. Я.Ассман, создатель теории «помнящей культуры», писал об имманентной связи и соотносительности культурной памяти и специальных символических систем, к которым относится и литература: «В ней [культурной памяти] прошлое не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [12]. Многочисленные дефиниции теории интермедиальности, существующие в гуманитарных науках, сводятся к взаимодействию различных искусств, культурных феноменов, перевода одного вида искусства в другой посредством перекодировки, а также формирования особого метаязыка культуры. Так, исследователь Н.В.Тишунина пишет об интермедиальности как об «особом типе внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанном на взаимодействии художественных кодов разных видов искусств» [13].

В романе концепт исторической памяти может быть рассмотрен как с позиции интертекстуальности, так и с позиций интермедиальности. Описание подземных поселений, с которого начинается повествование в романе, представляет собой аллюзию на начало романа Дж.Р.Р.Толкина «Хоббит»: «Под землей в норе жил да был хоббит» [14]. В свою очередь, на первых страницах «Погребенного великана» обнаруживаем следующее описание: «жители селились в убежищах, многие из которых были вырыты глубоко в склоне холма, соединенными друг с другом туннелями и крытыми коридорами» [7, р. 7]. Подобное соответствие изначально настраивает реципиента на модус мифологически-сказочного, фэнтезийного повествования, от поэтологических принципов которого автор отходит по мере развития сюжета.

Описание подземного поселения представляет собой пример интермедиальной перекодировки в романе. Так, этот образ соотносится не с историческими жилищами бриттов, о которых исследователь Бен Хаббард пишет как об «круглых, крытых соломой, домах» [15], а с местами захоронений кельтских племен: «состоящих из множества помещений, напоминающих подземные дома» [16]. Таким образом, можно заключить, что аллюзивные включения, реминисценции — интертекстуальные, и интермедиальные элементы в романе актуализируются в новом контексте или обладают отчасти противоположной по отношению к своим источникам природой, что создает аксиологическую проекцию произведения, универсализуя проблему памяти — забвения. Этой цели служат элементы сказочно-мифологической проекции произведения, вбирающего в свою жанровую палитру элементы фэнтези.

Сюжетная линия похода героев к логову дракона может быть рассмотрена с позиции реализации мономифологической модели Дж.Кэмпбелла, характерной для многих мифологических и фэнтезийных произведений, — «уход и путешествие героя, борьба и победа над хтоническим чудовищем» [17]. Помимо этого, она может рассматриваться как сложная метафора, которая подразумевает ситуацию выбора пути решения проблемы умения взаимодействовать с прошлым и выстраивать модель поведения, как на экзистенциальном уровне, который воплощается в отношениях Эксла и Беатрис, так и на общенациональном уровне — война между бриттами и саксами (стремление Вистана воспитать в Эдвине ненависть к бриттам).

Другим примером, иллюстрирующим особенности реализации культурной памяти в романе с помощью интермедиальных средств, является сюжетная линия путешествия Эксла и Беатрис. В этой связи стоит обратить внимание на такой феномен средневековой японской культуры как «Убасутэ» («Obasute» или «Ubasute» досл. «Отказ от старухи»). В издании «Japan Encyclopaedia» убасутэ определяется как «традиция, соблюдаемая в горных районах Японии, заключающаяся в оставлении пожилых людей в горах» [18]. По нашему мнению, путь пожилой четы к горе, где находится дракон, можно соотнести и интерпретировать как метафоризированное воплощение древней японской традиции. Аналогия с убасутэ обнаруживается на концентрации сюжета на мотиве дороги стариков к горам, заканчивающейся смертью (Беатрис умирает в результате путешествия).

Таким образом, происходит актуализация японского подтекста и распространенного в эпической литературе мотива путешествия. Однако включение данного элемента в текст отчасти видоизменяет традицию, наиболее полно объединяя ее с изобразительным планом повествования, характерным для избранного автором модуса мифопоэтического синтеза разноразнонациональных мифологических сюжетов и образов.

Воссоздание «воспоминаний литературы», происходящее в «Погребенном великане» благодаря включению в текст аллюзий, реминисценций, а также мифопоэтических традиционных образов, представляет собой одну из разновидностей авторской репрезентации памяти как феномена. Стоит отметить, что в данном аспекте также актуализируются мотивы изменения воспоминаний и их потери, определяющие корреляцию романа с предшествующим творчеством Исигуро. Доминанта темы памяти для произведений автора, многообразие актуализирующих ее средств, позволяют нам говорить о памяти как о художественном авторском концепте.

Актуализация образа памяти, которая подвергается испытанию болезненным опытом прошлого, амнезией, а также претерпевает изменения, происходит не только на сюжетном уровне романа, в котором путешествие к логову дракона приобретает значение метафоры стремления обретения воспоминаний вновь, но и на образном, мотивном уровнях текста. Стоит отметить, что художественная условность, главенствующая в изобразительном плане романа, способствует на сюжетном уровне романа, в котором путешествие к логову дракона приобретает значение метафоры стремления обретения воспоминаний вновь, но и на образном, мотивном уровнях текста. [19].

Благодаря художественным особенностям «Погребенного великана» Исигуро рассматривает концепт памяти и его различные аспекты: экзистенциальный, исторический, литературный. Внимание к феномену памяти и репрезентации его различных сторон в тексте также способствует актуализации связанных с ней проблем, не имеющих однозначного решения, — аксиологических, этических, психологических. Однако автор не дает собственных ответов на эти вопросы, предоставляя читателю возможность самостоятельного размышления над ними, что, согласно наблюдению Т.Л.Селитриной, достигается вследствие включенности в роман «предупреждения <...> в художественной форме» [6, с. 308], связанного с осознанием истории и прошлого. По нашему мнению, широкий спектр вопросов, связанных с памятью в романе, определяется мифологической поэтикой, способствующей универсализации характера рассматриваемой проблематики, что обеспечивает вневременную и вненациональную актуальность «Погребенного великана».

1. Crum M. Kazuo Ishiguro On Memory, Censorship And Why Proust Is Overrated. Huffpost [Электр. ресурс]. URL: https://www.huffpost.com/entry/kazuo-ishiguro-interview_n_6785824?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly93d3cuZ29vZ2xlLmNvbS8& (дата обращения: 12.08.2019).
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 4-5.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. М: Academia, 1997. С. 275.
4. Кротова А.А. Концепт война в лирике Н.Н.Туровой // Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы XX Шешуковских чтений). Litres, 2018. С. 266-275.
5. Borowska-Szerszen S. The giants beneath: Cultural memory and literature in Kazuo Ishiguro's The Buried Giant // Crossroads. A Journal of English Studies. 2016. Issue 15. P. 30-42.
6. Селитрина Т.Л. Пейзаж и хронотоп раннего средневековья в романе К.Ишигуро «Погребенный великан» // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: коллективная монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, 2017. С. 301-308.
7. Ishiguro K. The Buried Giant. London, 2015. [Электронная книга в формате PDF]. URL: <https://www.ebooks.com/en-se/96090235/the-buried-giant/kazuo-ishiguro/> (дата обращения: 01.03.2019).
8. Erll A., Nunning A. Where Literature and Memory Meet: Towards a Systematic Approach to the Concepts of Memory used in Literary Studies Literature, Literary History, and Cultural Memory // Gunter Narr Verlag. 2005. Vol. 21. P. 261-294.
9. Barthes R. Texte. Encyclopedia universalis. 1973. Vol. 15. P. 78.
10. Meyler B. Aesthetic Historiography: Allegory, Monument and Oblivion in Kazuo Ishiguro's The Buried Giant // Critical Analysis of Law. 2018. Vol. 5. № 2. P. 243-258.
11. Данте Алигери. Божественная Комедия. Новая Жизнь / Пер. М.Лозинский. М.: Иностранка, 2017. С. 43-442.
12. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. М.М.Соколовской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 54.
13. Тишунина Н.В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований [Электр. ресурс] // Серия "Symposium", Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Вып. 12. 2001. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/tishunina-nv/metodologiya-intermedialnogo-analiza-v-svete-mezhdisciplinarnykh-issledovaniy> (дата обращения: 15.08.2019).
14. Tolkien J.R.R. The Hobbit or There and Back Again. London: Harper Collins Publishers, 1995, p. 3.
15. Hubbard B. The Celts, Picts, Scots and Romans. 2018 [Электр. ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/Celts_Picts_Scots_and_Romans.html (дата обращения: 15.08.2019).
16. Adams M. The Book of Celtic Myths: From the Mystic Might of the Celtic Warriors to the Magic of the Fey Folk, the Storied History and Folklore of Ireland, Scotland, Brittany, and Wales. Simon and Schuster, 2016. P. 182.
17. Campbell J. The Hero with A Thousand Faces. Princeton, NJ, 2004. P. 33.
18. Louis-Frédéric Japan Encyclopedia. Trans. Kathe Roth. Harvard University Press, Cambridge, MA, USA, 2005. P. 732.
19. Hassan I. The Question of Postmodernism // Performing Arts Journal. 1981. Vol. 6. № 1. P. 30-37.

References

1. Crum M. Kazuo Ishiguro On Memory, Censorship And Why Proust Is Overrated. Huffpost. Available at: https://www.huffpost.com/entry/kazuo-ishiguro-interview_n_6785824?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly93d3cuZ29vZ2xlLmNvbS8& (accessed: 12.08.2019)
2. Popova Z.D., Sternin I.A. Ponyatie "kontsept" v lingvisticheskikh issledovaniyakh. [The Notion "Concept" in Linguistic Research]. Voronezh, 1999. 211 p.
3. Askol'dov S.A. Kontsept i slovo [Concept and Word]. Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. Moscow, 1997, pp. 267-279.
4. Krotova A.A. Kontsept vojna v lirike N.N.Turoverova [Concept War in N.N.Turoverov's Lyrics]. Proc. of "Otechestvennaya slovesnost' o vojne. Problema natsional'nogo soznaniya". Litres, 2018, pp. 266-275. (In Russ.).
5. Borowska-Szerszen S. The giants beneath: Cultural memory and literature in Kazuo Ishiguro's The Buried Giant. Crossroads. A Journal of English Studies, 2016, iss. 15, pp. 30-42.
6. Selitrina T.L. Peyzazh i khronotop rannego srednevekov'ya v romane K.Ishiguro "Pogrebennyi velikan" [Landscape and Chronotope of the Early Middle Ages in the Novel by K.Ishiguro "The Buried Giant"]. Natsional'nye kody evropeyskoy literatury v kontekste istoricheskoy epokhi: kollektivnaya monografiya. Nizhny Novgorod, 2017, pp. 301-308. (In Russ.).
7. Ishiguro K. The Buried Giant. London, 2015. Available at: <https://www.ebooks.com/en-se/96090235/the-buried-giant/kazuo-ishiguro/> (accessed: 01.03.2019).
8. Erll A., Nunning A. Where Literature and Memory Meet: Towards a Systematic Approach to the Concepts of Memory used in Literary Studies Literature, Literary History, and Cultural Memory. Gunter Narr Verlag, 2005, vol. 21, pp. 261-294.
9. Barthes R. Texte. Encyclopedia universalis, 1973, vol. 15, p. 78.
10. Meyler B. Aesthetic Historiography: Allegory, Monument and Oblivion in Kazuo Ishiguro's The Buried Giant. Critical Analysis of Law, 2018, vol. 5, № 2, pp. 243-258.
11. Dante Aligeri. Bozhestvennaya komediya [Devine Comedy]. In: Dante Aligeri. Bozhestvennaya Komediya. Novaya Zhizn'. Moscow, 2017, pp. 43-442.
12. Assman J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge University Press, 2011, 319 p. (Russ ed.: Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. Moscow, 2004. 368 p.).
13. Tishunina N.V. Metodologiya intermedial'nogo analiza v svete mezhdisciplinarnykh issledovaniy [Intermediate Analysis Methodology in the Light of Interdisciplinary Research]. Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka, 2011, vol. 12. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/tishunina-nv/metodologiya-intermedialnogo-analiza-v-svete-mezhdisciplinarnykh-issledovaniy>. (accessed: 15.08.2019).
14. Tolkien J.R.R. The Hobbit or There and Back Again. London, 1995, p. 3.
15. Hubbard B. The Celts, Picts, Scots and Romans. 2018. Available at: https://books.google.ru/books/about/Celts_Picts_Scots_and_Romans.html. (accessed: 15.08.2019).
16. Adams M. The Book of Celtic Myths: From the Mystic Might of the Celtic Warriors to the Magic of the Fey Folk, the Storied History and Folklore of Ireland, Scotland, Brittany, and Wales. Simon and Schuster, 2016, p. 182.
17. Campbell J. The Hero with A Thousand Faces. Princeton, NJ, 2004, p. 33.

18. Louis-Frédéric Japan Encyclopedia. Trans. Kathe Roth. Harvard University Press, Cambridge, MA, USA, 2005, p. 732.
19. Hassan I. The Question of Postmodernism. *Performing Arts Journal*, 1981, vol. 6, no. 1, pp. 30-37.

Mikheikina A.A. The Memory Concept in Kazuo Ishiguro's Novel "The Buried Giant". This article discusses the features of the representation of the phenomenon of memory in the novel by K.Ishiguro "The Buried Giant". Particular attention is paid to images, motifs, plot elements that contribute to the actualization of the cultural and literary aspects of memory in the text. In connection, intertextual and intermedial inclusions are analysed and the meanings they acquire in the context of the novel are identified. The intertextual and intermedial elements are also dissected as a mean of representation of the memory of literature. Also the peculiarities of existential and historical aspects' expression of the phenomenon concerned in the novel are examined. Based on the representation of memory in the novel, as well as the frequency of the referred of to that phenomenon in Ishiguro's literary works, it is identified as an author's concept. As a result of the analysis, the relationship between the concept of memory and the ideological and thematic level of the work is revealed.

Keywords: memory concept, intertextuality, intermediality, allusion, literary memory.

Сведения об авторе. Алина Андреевна Михейкина — аспирант, Балтийский федеральный университет им. И.Канта, институт гуманитарных наук; ORCID: 0000-0002-4857-0649; alinamiheikina@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.05.2020. Принята к публикации 15.05.2020.